

ПАРТЛИКБЕЗ - ПО АНТИМАТУ?

"Наука должна быть самым возвышенным воплощением Отечества, ибо из всех народов первым будет всегда тот, который опередит другие в области мысли и умственной деятельности."

Л. Пастер

"Всякий, изучающий историю народных бедствий, может убедиться, что большую часть несчастий на Земле приносит невежество."

К. Гельвеций

"Даже истины, часто самые необходимые, засыпают и нуждаются по временам в том, чтоб их пробуждали."

Ф. Клингер

Одним из основных требований, предъявляемых к научной терминологии, является требование устойчивой однозначности таковой. Этим обеспечивается возможность функционирования ее в качестве адекватного коммуникативного средства в аспекте соответствующей научной системы внутри одного поколения и в процессе последовательной смены поколений ученых. И это, естественно, по преимуществу касается первых понятий, "с которых начинается какая-нибудь наука": они должны быть ясны, тверды и неколебимы, чтобы "служить прочным и достаточным основанием учения" (Н.И. Лобачевский).

Впрочем, это отчетливо сознавали даже свифтовские гуингнмы, которые справедливо полагали, что язык дарован нам для того, чтобы "получать сведения о различных предметах" и при этом безусловно "понимать друг друга", дабы не оказаться "в состоянии худшем, чем неведение". Однако это единственно возможно лишь при условии "постоянного определения речением и непременно словам знаменования", как декларировалось в проекте устава Российской академии. И наоборот.

Поучительный и до сих пор не преодоленный прецедент в этом отношении создали небезызвестные свифтовские же струльдбруги. Последние, вследствие постоянно изменявшегося языка в их стране, были "подвержены печальной участи чувствовать себя иностранцами в своем Отечестве". В качестве примера противоположной крайности можно привести принципы создания новояза - официального языка в Океании Джорджа Оруэлла: "Новояз должен был не только обеспечить знаковыми средствами мировоззрение и мыслительную деятельность приверженцев англсоца, но и сделать невозможными любые иные течения мысли".

Однако, вопреки императивному требованию устойчивой однозначности, в настоящее время в советской - в частности - философской науке существуют понятия, которые имеют спонтанное поползновение к "беспривязанному содержанию" и безнадзорно "гуляют сами по себе", дерзновенно преступая все и всяческие ограничения, проистекающие из терминологических законов. По остроумному замечанию одного ученого-физика, они, похоже, даже обладают "известной агрессивностью", посягая на области, где их функционирование лишено всякого смысла, или приобретая чуждые, им не свойственные, прямо-таки абсурдные значения. И, к сожалению, часто это становится очевидным слишком поздно, когда подобные понятийные вольности становятся источником многих и превеликих

недоразумений.

В последние десятилетия, как это ни покажется странным, именно так и повела себя (эрудированный читатель может сказать: и уже в который раз!) фундаментальная системообразующая категория диалектического материализма - философская категория "**материя**". И это, естественно, возымело следствием то, что в русле декларируемой в качестве монистической философской системы ныне существует, можно сказать, сколько философов - столько и "материй", а сколько "материй" - столько и философий! И наоборот. Уж, действительно, не мстит ли таким образом за себя философия задним числом естествознанию за то, что некогда, по Энгельсу, "последнее покинуло ее"? Или, скорее, это - автолиз?

Ликвидируя, по Платонову, "тоску неясности", один из современных авторов, например, полагает, исходя при этом из плюрализма именно "мировоззренческо-методологических принципов", что в философии диалектического материализма имеется "возможность вычленения" по крайней мере **шесть** не сводимых одна к другой и взаимно противоречивых трактовок категории "материя": "1. "Вещественной" (В); 2. "Атрибутивной" (А); 3. "Субстанциальной" (С); 4. "Философской" (Ф); 5. "Компромиссной" (К); 6. "Научной" (Н)" Д.А. Нуриев. О двух направлениях разработки проблемы материи в философии и категория практики // Научное познание и практика. Уфа, 1981. С. 89; см. также: Его же: Мировоззренческо-методологические принципы разработки понятия "материя". Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Уфа, 1984).

В качестве курьеза приведем следующий казус: один из соискателей ученой степени доктора философских наук одновременно практикует целых **четыре** понятия материи: (1) эмпирическое (нефилософское, нетеоретическое, некатегориальное, несущностное: "материя - непосредственное бытие"); (2) философское (теоретическое, категориальное, сущностное: "материя - сущность мира"); (3) некое синтетическое, объединяющее два первых и использующееся "тогда, когда о материи высказываются и как о сущности, и как явлению одновременно, т.е. осмысливают ее в единстве эмпирического и теоретического подходов"; (4) понятие материи как субстанции: "категория материи, понимаемая (так!) как субстанция, не тождественна по содержанию тому понятию материи, которое используется в гносеологическом плане при решении основного вопроса философии", то есть философскому понятию, а тем более - и эмпирическому, и синтетическому понятию материи (В.Б. Кучевский. Анализ категории "материя". М., 1983. С. 34-37, 89, 92, 101-102, 108-109, 112, 118-119, 133-141, 239 и многие другие).

Можно, конечно, и не соглашаться с формальной стороной предложенной авторами классификации. Однако невозможно отвергнуть ее действительную содержательную обеспеченность: **плюрализм** точек зрения в трактовке понятия "материя" как таковой объективно существует! В результате под это понятие подводятся и конкретные чувственно воспринимаемые физические объекты, и сами по себе их свойства, отношения, функции, и некий субстрат единичных вещей (реминисценция аристотелевской материи, чувственно не воспринимаемой), и самосогласованная система их атрибутов и т.д. и т.п. Но ведь из этой множественности точек зрения истинной может быть только лишь **одна!**

Несмотря на плюрализм точек зрения, все без исключения разноречивые авторы формально апеллируют к одному и тому же ленинскому определению материи, которое к тому же квалифицируют как строго научное и глубоко партийное и наделяют статусом **классического** и **абсолютного**. И это может свидетельствовать и в сущности

свидетельствует только лишь о неадекватном в большинстве случаев и, как следствие, **плюралистическом** его прочтении, приводящем к размыванию самого фундамента философии диалектического материализма. В результате последняя превращается тем самым, по Энгельсу, "в эклектическую крошку".

Согласно ленинскому определению, напомним, "материя есть объективная реальность, данная нам в ощущении" (В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 149). Соответственно понятие материи распространяется на каждый физический, чувственно воспринимаемый объект, в частности, на "каждый из электронов и фотонов", которые существуют "вне и независимо от сознания" и "могут быть восприняты через посредство специальных приборов ... нашими органами чувств" (Основы марксистской философии. Учебник. М., 1958. С. 120; 2-е изд. М., 1962. С. 74-75). По словам В.И. Ленина, например, "положительный и отрицательный электроны составляют "две материи существенно различные", как говорит физик Пелла" (В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 275). Даже в формулировку основного вопроса философии (гносеологии) вместо термина "материя" он вводит его эквиваленты, синонимы: "тело", "вещь" и другие (Там же. С. 52-53). В частности, он пишет: "Учение о пространстве и времени неразрывно связано с решением основного вопроса гносеологии: представляют ли из себя наши ощущения образы тел и вещей, или тела суть комплексы наших ощущений" (Там же. С. 185).

Такова **простая и очевидная** материалистическая традиция и диалектико-материалистическая марксистско-ленинская традиция - в частности. Собственно, в принципе - это и общенаучная позиция. Однако в настоящее время она не принимается и, более того, **прямо** отвергается подавляющим большинством советских философов, несмотря на это все-таки именующих себя марксистами-ленинцами.

Доминирующей в последние годы является крайне вульгарная точка зрения, согласно которой "материя - это всякая объективная реальность, данная нам в ощущениях, и здесь не встает вопрос, вещи ли это, свойства или же просто отношения" (Философские науки. 1987. № 5. С. 107). Именно таковая получила отражение, в частности, на страницах совсем недавно вышедшего в печати учебника "Диалектический материализм" (М.: "Мысль", 1989). Учебник, рассчитанный "на слушателей высших партийных школ и университетов марксизма-ленинизма" (Там же. С. 16), подготовлен кафедрой философии Академии общественных наук при ЦК КПСС и рекламируется как последнее слово марксистской науки в аспекте "революционного обновления советского общества" (Там же. С. 399).

При всей расплывчатости, кашеобразности (термины В.И. Ленина) содержащихся здесь формулировок, позиция составителей пособия для партликбеза довольно прозрачна: они стремятся распространить понятие материи за пределы области физического, чувственно воспринимаемого объектного бытия, а тем самым - и за пределы диалектического материализма, ибо для последнего "материя есть "физическое" (т.е. наиболее знакомое и непосредственно данное человеку, в существовании чего никто не сомневается, кроме обитателей желтых домиков)" (В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 148). При этом, однако, авторы пытаются прикрыться авторитетом основоположников марксизма-ленинизма, прибегая к очевидной фальсификации: якобы они "указывали на более широкие горизонты, чем узковещественное понимание материи" (Диалектический материализм. С. 126). В качестве отвлекающего маневра даже с пиететом упоминается высказывание Ф. Энгельса "о гипотетическом эфире: если эфир есть, то он материален, но не вещественен"(Там же. С. 126-127).

Не вдаваясь в нюансы терминологических ухищрений авторов, отметим, не мудрствуя лукаво: по существу Ф. Энгельс - как, впрочем, и К. Маркс - не имеет никакого отношения к выдвигаемым ими утверждениям. Ведь он придерживается именно "узковещественного" понимания материи и никогда - иного. Это, полагаем, тем более очевидно, что "материя" и "вещество" для него - **синонимы**: "Вещество, материя есть не что иное, как совокупность веществ, из которой абстрагировано это понятие ..." (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 550). Более того, для него были синонимами и "материя" и "тело": "Предмет естествознания - движущаяся материя, тела" (Там же. Т. 33. С. 67). К тому же понятие материи по интенционалу все еще связывалось им со свойством телесности: "Мы отвлекаемся от качественных различий вещей, когда объединяем их, как телесно существующие, под понятием материи" (Там же. Т. 20. С. 570).

Из сказанного, полагаем, очевидно, что и эфир - как гипотетическую материю - Ф. Энгельс просто не мог называть невещественным. Более того, он почитал его **телом**. Это получило отражение даже и в самом учебнике, где приводится следующая цитата из "Диалектики природы": "Вся доступная нам природа образует некую систему, некую совокупную связь тел, причем мы понимаем здесь под словом тело все материальные реальности ..." (Диалектический материализм. С. 195). Коль скоро **все** материальные реальности называются **телами**, то, понятно, и эфир тоже. Это подтверждается и дальнейшими словами фрагмента, опущенными при цитации: "... начиная от звезды и кончая атомом и даже частицей эфира, поскольку признается реальность последнего" (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 392).

Скажем более. В.И. Ленину, вопреки утверждению авторов учебника, было свойственно **только** вещественное понимание материи, поскольку иного он просто не знал. Эфир он тоже почитал **веществом**: "Электромагнитная теория света доказала, что свет и электричество суть формы движения одного и того же вещества (эфира) ..." (В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 320). То, что ныне называется полем и трактуется как материя, для В.И. Ленина было лишь движением, колебанием эфира (вещества, материи) (Там же. С. 50, 292, 320).

В чем же заключается истинная интенция составителей учебника, поставивших "под сомнение сведение материи только к веществу (Диалектический материализм. С. 126)? В утверждении в качестве материи (материй) невещественных полей и вакуума (Там же. С. 127)? Отнюдь нет. Их устремления простираются гораздо далее: до распространения "понятия материальности на сферу явлений общественной жизни" (Там же. С. 126). При этом, естественно, опять-таки с некорректными голословными ссылками на основоположников марксизма-ленинизма (Там же. С. 126, 133). И в качестве невещественных видов материи они прокламируют, в частности, "производственные отношения", "законы социально-экономической жизни общества" и т.д. и т.п. (Там же. С. 134 и другие). По их словам, "ленинское определение категории материи имеет прямое отношение к проблематике исторического материализма, существенно углубляет понимание коренных его положений". И далее следует иллюстрация, каких же это положений: "Производственные отношения материальны, но ведь в них нет ни атома вещества ... Законы социально-экономической жизни общества суть объективно-материальные законы, хотя сами по себе они не вещественны ..." (Там же. С. 133-134). Аналогично трактуется и "трудовая, производственная человеческая практика": она материальна, хотя и "не есть сама по себе "вещество" (Там же. С. 126).

Небезынтересны и последующие сентенции авторов. По их мнению, например, "общественное бытие людей также представляет собой развивающуюся материальную реальность, независимую от сознания и воли людей". Хотя в действительности, как и всякое бытие, "общественное бытие" - есть движение материальной реальности - человеческого общества, а отнюдь не сама эта реальность. Притом оно может иметь не только материальные, но и духовные стороны. Поэтому неправомерно и последующее прямолинейное заключение авторов: "В этом смысле и природе, и обществу присуща диалектика материальных реальностей" (Там же. С. 192). Хотелось бы все-таки, чтобы обществу была присуща несколько иная диалектика, чем природе, - социальная. Или это привилегия только цивилизованного мира? И все-таки хотелось бы, чтобы и в мире диамата не упускалось из виду, что в словах "Глас народа - глас Божий", по Лихтенбергу, "содержится больше мудрости, чем обычно влагают сегодня в эти четыре слова".

Тенденция к постулированию неких странных "невещественных форм материи", отметим, свойственна не только нашим авторам. К числу таковых, в частности, академик Т.И. Ойзерман относит ... стоимость! По его словам, "марксизм преодолел заблуждение метафизического материализма относительно сущности материи", "основоположники марксизма еще в первой половине XIX века разъяснили, что материальное не тождественно вещественному, телесному", и именно на этом основании "в "Капитале" К. Маркса стоимость - материальное явление - характеризуется как экономическое отношение, которое не содержит в себе ни грана вещества" (Философские науки. 1988. № 7. С. 35).

Как уже было показано, классики марксизма ничего подобного не преодолевали и не разъясняли, оставаясь вполне удовлетворенными вещественным, телесным пониманием материи. И, конечно же, К. Маркс никогда не квалифицировал стоимость как материю, потому что просто не мог этого делать, ибо рассматривал ее как "прямую противоположность чувственно грубой предметности (т.е. материальности - АД.) товарных тел" (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 56). Этого, естественно, не мог делать и никто другой из классиков марксизма-ленинизма. И именно потому сторонники этой некорректной точки зрения не могут привести ни одного конкретного свидетельства в ее пользу и вынуждены манипулировать лишь фикциями.

По стечению обстоятельств в одной книжке журнала "Философские науки", 1988, № 7, со статьей академика Т.И. Ойзермана, предшествуя ей, помещена публикация профессора кафедры философии Академии общественных наук при ЦК КПСС Н.Л. Францужовой и профессора кафедры диалектического материализма философского факультета МГУ Ю.А. Петрова "Категория материи (логико-методологические и научно-прикладные проблемы)" (С. 23-30). По стечению же обстоятельств сия Н.Л. Францужова оказалась к тому же одной из тех, кто входил в состав авторского коллектива, подготовившего к печати подлежащий выше краткому анализу учебник "Диалектический материализм". И потому отнюдь не вызывает удивления тот странный сам по себе факт, что в статье, как и в книге, "преодолевается" "узковещественное" понимание материи и в качестве таковой прокламируются уже известные нам производственные отношения, общественные отношения, а также "академическая" стоимость и тому подобные реалии, которые, по мысли авторов, якобы составляют так называемую "социальную материю" (С. 25, 26-27, 28 и другие). Материей объявляются в статье и формы существования ее. Без страха и сомнения авторы пишут: "Если руководствоваться ленинским определением материи, и только им, то на вопрос: "Является ли пространство, время, энергия и т.п. материей?" - можно ответить положительно, ибо все эти

объекты (?) существуют вне и независимо от сознания и по определению относятся к материи" (С. 25). Однако некорректный сам по себе вывод приводит авторов уже к абсолютному абсурду: уж коли все это материя, тогда "теряют смысл и такие выражения, как "материя и энергия"; пространство, время и материя"; "материя существует в пространстве и во времени"; "материя и масса" и тому подобные противопоставления общего понятия о материальном частным видам материального (пространству, времени, энергии и т.д.)" (Там же).

И здесь всплывают в памяти пронзительные пророчества Джорджа Оруэлла: "Новояз был призван не расширить, а сузить горизонты мысли ... мысль, постольку поскольку она выражается в словах, станет буквально невысказанной!"

Однако сами новаторы откровенно пренебрегают своими же собственными табу и спокойно продолжают пользоваться, по их мнению, утратившими всякий смысл выражениями. Тем самым они показывают, что вся эта теория пригодна лишь для дискуссии о ней. Притом дискуссии чисто теоретической. Ведь все приведенные умозрения выходят за пределы диалектического материализма, ибо имеют совсем иную систему координат и даже точку отсчета. Ортодоксальным нулем безусловно является ленинское определение материи. Но авторами предпринимается открытая попытка бунта против такого "нулевого варианта". И основным их требованием является усеменение ленинской дефиниции. Ибо, по их просвещенному мнению, "в определении понятия материи признак ее непереносимой отображаемости сознанием (например, чувственным) включать нельзя" во избежание нелепостей (С. 27). И эта вивисекция производится ими из самых добрых побуждений: классиков нужно облагораживать - и осуществляется, естественно, под знаменем пророка: "Мы будем считать вслед за В.И. Лениным, что материя есть все существующее вне и независимо от сознания ..." (С. 23). Однако, полагаем, легко видеть, что это уже совсем другой Ленин, а точнее - вовсе не Ленин! И здесь, по Платонову, уже начинается "течение новых условий".

Справедливости ради почитаем возможным лишить наших авторов лавров первооткрывателей. Ведь на признак непереносимой отображаемости материи "чувственным сознанием" покушались уже многие и прежде них, да и исход у них был отнюдь не менее абсурдным. В частности, в аспекте "осознания подлинной всеобщности понятия материи" В.Н. Сагатовский идет еще дальше. Наряду со стоимостью, общественными отношениями, классовой борьбой и т.п. он подводит под категорию материи даже психическое, мышление, сознание! По его утверждению, "материей является не только то, что дано ощущению, но все, что так или иначе может отражаться сознанием", что может быть познано "силой абстракции". И, исходя отсюда, он делает уже бесповоротное заключение, что "в содержании понятия материи нет таких ограничений, которые бы говорили, что материя - это только массово-энергетическое, но не психическое, только субстанция, но не функция" (В.Н. Сагатовский. Основы систематизации всеобщих категорий. Томск, 1973. С. 152). При этом, естественно, В.Н. Сагатовский скромно полагает, будто этот вывод должен "прямо следовать из определения материи, данного Лениным" (Там же. С. 146).

О том, что это совсем не так и даже вовсе наоборот, может **конкретно** свидетельствовать **сам** В.И. Ленин, который имел суждение относительно подобной глобалистской тенденции, наблюдавшейся еще у И. Дицгена. Дицген, как известно, но, к сожалению, не всем, утверждал, что "понятие материи надо расширить", и относил сюда не только физическое, чувственное, но и наши **мысли**. Это было квалифицировано В.И. Лениным как **путаница**, **неверность**, как "ошибочный шаг к

смешению материализма с идеализмом" (В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 257 и далее). Аналогично и позиция В.Н. Сагатовского, представляющая собой отнюдь не следование Ленину, а всего лишь навсего рецидив Дицгена, может быть аттестована подобным же образом. Да и то, если ей будет придано, как это обычно делал Гулливер, "гораздо более благоприятное освещение, чем то ... совместимо с требованиями строгой истины".

Собственно, подобная оценка может быть отнесена и к прочим изложенным выше, так сказать, ученым мнениям. Ибо каждое из них, пусть оно и не ведет к идеализму, но уж во всяком случае уводит от материализма, разумею - материализма умного, предлагая вместо, взамен него некую вульгарную "эклектическую нищенскую похлебку" (В.И. Ленин), некий вульгарный и примитивный антиматериализм, или, в сокращении, **антимат**. И подобный, извините за выражение, **антимат** полагается в основание, как мы видели, партликбеза, то есть высшего партийного образования. И стелет этим антиматом мумифицированная красная профессура с давно просроченным и к тому же прежде узурпированным мандатом на истину. А истина-то вся у них заключается всего в нескольких словах (в аранжировке Платонова): счастье произойдет от материализма, а не от смысла. А неунывающий кот Базилио (не путать с Роланом Быковым!) и неувядающая лиса Алиса (не путать с Еленой Санаевой!), подозреваю очень, добавили бы: на Поле Чудес в Стране Дураков!

Сентябрь 1989 года

(с) А.И. Юрченко, 1989-2004